

ODYSSEUS

Man in History

The Subjunctive
Mood in History?

2000

MOSCOW
«NAUKA»
2000

ОДИССЕЙ

Человек в истории

История в
сослагательном наклонении?

2000

МОСКВА
«НАУКА»
2000

ББК 63.3(0)
О 42

Главный редактор
А.Я. ГУРЕВИЧ

Редакционная коллегия:

Л.М. БАТКИН, И.В. ДУБРОВСКИЙ, Б.С. КАГАНОВИЧ, В.Н. МАЛОВ,
СВ. ОБОЛЕНСКАЯ (зам. главного редактора), М.Ю. ПАРАМОНОВА,
П.Ю. УВАРОВ (зам. главного редактора), В.И. УКОЛОВА, Д.Э. ХАРИТОНОВИЧ,
Г.С. ЧЕРТКОВА (ответственный секретарь), А.Л. ЯСТРЕБИЦКАЯ

Редакционный совет:

Ю.Н. АФНАСЬЕВ, ВОЙЦЕХ ВЖОЗЕК, НАТАЛИ ЗЕМОН ДЭВИС,
ВЯЧ.ВС. ИВАНОВ, ЖАК ЛЕ ГОФФ, Е.М. МЕЛЕТинский, А.О. ЧУБАРЬЯН

Рецензенты:

кандидат исторических наук О.И. ВАРЬЯШ,
кандидат исторических наук Я.Г. ШЕМЯКИН

Одиссей. Человек в истории. 2000. — М.: Наука, 2000. - 344 с.
ISBN 5-02-010188-5

В сборник входят материалы "круглого стола", проведенного по такой увлекательной теме, как "История в сослагательном наклонении", статьи зарубежных и отечественных авторов, посвященные крупным фигурам или значимым тенденциям в современной науке. Кроме того, публикуются размышления Вяч. Вс. Иванова о путях и судьбах гуманитарных наук в XXI столетии, представлена традиционная для "Одиссея" рубрика "Картина мира в ученой и народной культуре" и др.

Для историков и широкого круга читателей.

ТП-2000-П-№ 17

ISBN 5-02-010188-5
ISBN 5-02-010188-5

© Издательство "Наука", 2000
© Российская академия наук
и издательство "Наука",
серия "Одиссей. Человек в истории"
(разработка, оформление),
1989 (год основания), 2000

А.Я. Гуревич

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ: БЕСЧИСЛЕННЫЕ ПОТЕРИ И УПУЩЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

Тут было высказано много разных соображений, что продемонстрировало интерес к той проблеме, которая со стороны может показаться безответственной, любительской, авантюристической. В основе этого интереса лежит, как мне кажется, в одних случаях осозанный, в других - инстинктивный протест историков против того агрессивного, всепоглощающего детерминизма, который был так четко сформулирован философией XIX в. "Все разумное - действительно": значит, все, что предусмотрено мировым разумом, находит свое осуществление. И "все действительное - разумно": все имеет свои достаточные основания и, собственно, иначе быть не может. Это же несколько иначе было затем сформулировано и основоположниками марксизма, поскольку даже смягчающие детерминизм Маркса рассуждения Энгельса о том, что, конечно, всегда складывается весьма сложный и противоречивый параллелограмм сил, действующих вовсе не согласованно, не отменяют тезиса, что в итоге исторический закон прокладывает себе дорогу сквозь все эти неурядицы и временные отклонения. Нас всех этому учили, и хотя мы уже сняли марксистские цитаты и перестали поклоняться портретам классиков, но если нас поскрести, найдется ли там что-то другое — это еще большой вопрос.

Мы сегодня говорили в основном о политической истории и роли в ней личности, указывая при этом, что есть еще такая мрачная штука, как мощные экономические закономерности, на которые влиять почти невозможно. А вот Ю.М. Лотман в своей работе "Клио на распутье" утверждал, что история России, а значит и история человечества, пошла бы не так, как она шла, если бы не было Пушкина, Достоевского или Толстого. Духовная жизнь людей, при сравнении с экономическими и демографическими циклами, может показаться бесконечно малой надстроечной величиной, но без Пушкина, без великих гениев литературы, без Баха, без Бетховена, без Моцарта, без Томаса Манна (я не буду перечислять далее, потому что список открыт) — история действительно была бы иной. Какой - нам знать не дано, но история рода человеческого была бы иной. Причем каждый раз, когда мы называем Баха, Пушкина или Гете, мы говорим о неповторимой гениальной личности, заменить которую нечем.

Плеханов говорил: Наполеона могло и не быть, но его мог заменить кто-нибудь из его маршалов. Действительно, во время Французской революции было немало выдающихся полководцев и в случае гибели Наполеона его место мог занять Ней, Даву, Мюрат или кто-либо другой. Плеханов говорил: революция нуждалась в шпиге, и она бы ее в любом случае получила. Он, правда, упустил из виду, что не во всякую голову должна была взбрести мысль о походе на восток и о восста-

новлении исторического величия Франции. Но все это касается полководцев и государственных деятелей: речь идет о роли, которую тот или иной персонаж призван выполнить. В культуре же, в духовной жизни вклад гения уникален и ничем не заменим, а воздействие творчества и личности этого гения на ход истории, вроде бы и не выражающееся в столь ощутимых фактах, как влияние министра или генерала, огромно, ибо это воздействие на духовный облик эпохи.

Этот вопрос можно и перевернуть. Ребенок умер в колыбели: вы гарантированы от того, что мы не потеряли гения, который мог произвести такой переворот в нашей духовной жизни, какого никто за него не сделает? Сегодня ночью я услышал по радио, что в штате Колорадо два подростка в масках пришли в школу и убили двадцать пять человек. Оказывается, они принадлежали к секте, которая ненавидит две категории людей - людей другого цвета кожи и... футболистов (простите, но мне это напомнило анекдот: приказано истреблять евреев и велосипедистов; спрашивается: "а велосипедисты при чем?"). Кто может быть уверен, что среди этих двадцати пяти не был убит величайший американский поэт ХХI в.?

И в нашей с вами жизни постоянно случаются такие потери, которые невозможны на человеческом уровне. На уровне статистики, на уровне больших чисел, на уровне социально-экономических процессов такого не происходит. Есть очень глубокое высказывание одного из наших бывших премьер-министров: хотели - как лучше, а вышло - как всегда. Срабатывают некоторые инерционные силы — наш невеселый опыт, переходящий из поколения в поколение, привычки нашего сознания, наша картина мира; и сколько бы мы ни трепыхались, а получается так, как было до этого. Очередная неудача, к которой мы привыкаем, разрушает наш характер - одним словом, деморализует; эпоха, в которой мы живем, играет на нравственное понижение, нас уже трудно чем-нибудь ужаснуть. В этих условиях перед историками не могло не возникнуть обсуждаемой сегодня проблемы.

Историк не будет писать сослагательную историю, он будет стараться реконструировать реальную картину прошлого. Но он не должен подчинять свою мысль налагаемым на нее историографической и философской традицией ограничениям, заставляющим нас говорить только о тех больших батальонах, которые всегда правы, и считать что все остальное — то, что не победило, было оттеснено — изначально и было к этому predetermined.

По традиции говорят о "колесе истории", об историческом пути, по которому движется "локомотив истории", и хотя все понимают, что подобные выражения не более чем метафоры, все же налицо заложенная в них идея предзаданной однолинейности истории. Я вспоминаю, как в годы моей молодости серьезные люди рассуждали об исключениях, встречающихся в развитии общественной формации. Тривиальным примером служила Монголия, которая якобы от кочевого феодализма

непосредственно перешла к социализму, миновав капиталистическую стадию. Объясняли это, естественно, территориальной близостью МНР к СССР, который помог ей совершить исторический скачок. В основе этих и подобных рассуждений лежит идея своего рода железнодорожного расписания, в котором *ab ovo* уже заложен весь исторический путь той или иной страны. Отклонения сводятся, собственно, лишь к тому, что отдельным поездам удастся проскочить те или иные станции без задержки.

Мысль о предопределенности будущего прошедшим и настоящим, исключая сколько-нибудь существенные отклонения от "расписания", имеет чрезвычайно глубокие корни, восходящие не только к гегелевской или марксовой философии истории, но и к средневековой схоластике, и глубже - к иудео-христианской эсхатологии, поэтому отказ от марксистской социологической схемы далеко еще не гарантирует историкам избавления от подобных телеологических конструкций.

Если уж пользоваться метафорой локомотива, идущего по железнодорожному пути, то я предложил бы такой фантастический образ: рельсовый путь не простирается перед локомотивом, рельсы возникают лишь под его колесами, впереди же - великое Нечто. Но позади локомотива - более или менее прямой рельсовый путь, созерцание коего побуждает историков воображать, будто бы этот путь имеет аналогичное продолжение и в будущем.

В одном из выступлений был затронут вопрос, почему так случается, что иногда, казалось бы, незначительные причины имеют огромные последствия. Я хочу в связи с этим напомнить об одном известном историческом событии. В 1347-1349 гг. Европу постигла эпидемия "черной смерти", бубонной чумы, истребившая до трети ее населения, причем там, где скученность населения была выше, в городах, события были сверхдраматичны. Что же вызвало эту эпидемию, которая имела огромные социальные, экономические, демографические и какие угодно последствия и стала переломным моментом в истории средневековья? Крыса! Крысы в трюмах кораблей, приплывших с Востока, принесли эту чуму.

Историки начинают думать: возможно ли, чтобы такая случайность привела к слому исторического процесса? И вспоминают, что рост рождаемости, благоприятная демографическая ситуация, которая существовала в Европе в предшествующий период, начала переживать известный кризис задолго до чумы, что уже за несколько десятилетий до катастрофы начались экономические неурядицы, - факты всегда найдутся. Что здесь? Чума действительно не сыграла решающей роли, поскольку предпосылки глубокого кризиса уже возникли, или же раболепствующая перед идеей закономерности историческая мысль начинает жульничать? Скорее всего, мы не можем примириться с тем, что крыса победила людей, и ищем всему этому более солидные причины. Между тем как пропорциональность причин и следствий вряд ли существует.

Несколько лет назад мне пришлось читать доклад о различиях между понятиями "объяснение" и "понимание" в истории. Я имел в виду следующее. Мы можем объяснить любое событие; раз оно имело место, мы напряжемся и, убедительно или гадательно, какие-то причины подберем, поскольку факт есть такая непреложность, перед которой историк робеет. Но эти объяснения, строящиеся сплошь и рядом по модели "строгих" наук, работают ли они достаточно убедительно в нашей специфической сфере знания, имеющей дело с человеческим сознанием, человеческим поведением, которое - пусть на четверть, пусть на одну шестнадцатую — содержит в себе элемент случайности, неожиданности, спонтанности, озарения? Здесь сама система объяснений должна быть другой. Историк не может удовольствоваться сконструированным им причинно-следственным объяснением (Erklaren) - он должен идти глубже, пытаться проникнуть в мысли и чувства действующих лиц исторической драмы, принять в расчет специфику культуры изучаемого общества, т.е. прибегнуть также и к процедуре понимания (Verstehen). Иными словами, та система объяснения исторических феноменов, которая присуща исследователю, должна быть каким-то образом координирована с мировиденьем "актеров" исторической драмы. Это их мировиденье, их социально-психологические установки, их ментальный аппарат, "грамматика" их культуры представляют собой важнейшие факторы исторического движения.

Все это, мне кажется, как-то связано с вопросом о том, существует ли история в условном наклонении. Я полагаю, что обсуждение проблемы "несвершившейся истории" не может быть изолировано от изучения культуры и психологии участников исторического процесса. Если объективные законы природы действуют неуклонно, а потому результаты их действия предсказуемы, то игра бесчисленных сил на исторической арене до крайности осложнена человеческой волей и сознанием. Жизнь человеческих коллективов изобилует вариантами и возможностями, из коих реализуются лишь немногие. В этом смысле история избыточна. Для более глубокого понимания ее хода историку не следовало бы вытеснять из поля своих наблюдений этот нереализованный потенциал. Можно рисовать историю в виде картины последовательных свершений и достижений. Но можно видеть в ней серию бесчисленных потерь и упущенных возможностей.

Здесь уже говорили, что речь идет не столько о том, как могло пойти дело, а о том, как историк смотрит на исторический процесс. Мы сегодня обсуждаем прежде всего вопросы эпистемологии. Мы вряд ли можем судить о том, могла ли раздавленная бабочка Брэдбери привести спустя миллионы лет к иному исходу президентских выборов. Если уж ссылаться на литературные примеры, я упомяну "Фальшивый купон" Льва Толстого — пример небесспорный, так как эта повесть пронизана столь назойливым морализмом, что при всем огромном впечатлении вызывает некоторое отталкивание. И все-таки: мальчишка, гим-

назист, просит у отца денег, потому что задолжал своему приятелю. Отец грубо отказывает, в результате парень считает себя вынужденным подделать банковский билет. Это порождает цепь преступлений других людей - обманы, убийства, тюрьму, т.е. нравственная порча начинает распространяться все шире и шире, превращаясь в нравственный обвал. При всей утрированности этой ситуации, Толстой указывает на то несомненное обстоятельство, что мы несем ответственность за наши поступки. Даже не будучи столь уж значительными, они могут повлечь за собой последствия, которых мы не предвидели. История может дать нам в этом смысле определенные уроки, и, мне думается, историкам в этом направлении предстоит еще многое сделать.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ В СОСЛАГАТЕЛЬНОМ НАКЛОНЕНИИ?

<i>П.Ю. Уваров</i> ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО	5
<i>К.В. Хвостова</i> СОВРЕМЕННАЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ (Роль многозначной логики)	10
<i>М.А. Чешков</i> ИСТОРИЧЕСКАЯ СОСЛАГАТЕЛЬНОСТЬ, ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКАЯ НАУКА И РАЗВИВАЮЩИЙСЯ МИР	14
<i>Л.И. Бородкин</i> ИСТОРИЯ, АЛЬТЕРНАТИВНОСТЬ И ТЕОРИЯ ХАОСА	21
<i>А.В. Оболонский</i> ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕРЕКРЕСТКИ КАК ОБЪЕКТ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ ИСТОРИИ	27
<i>С.А. Экиштут</i> КОНТРАФАКТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ, РАЗВИЛКИ И СЛУЧАЙНОСТИ В РУССКОЙ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ	33
<i>И.Н. Данилевский</i> СОБЛАЗН АЛЬТЕРНАТИВЫ	37
<i>А.Л. Юрганов</i> СВОЙСТВО ПОЗНАНИЯ, А НЕ ХАРАКТЕРИСТИКА ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА	40
<i>В.Д. Назаров</i> СОСЛАГАТЕЛЬНОСТЬ СОСЛАГАТЕЛЬНОСТИ РОЗНЬ	42
<i>О.А. Ржешевский</i> УЧЕННЫЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ О ВИРТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ	45
<i>М.Ю. Пармонова</i> ИСТОРИЯ В СОСЛАГАТЕЛЬНОМ НАКЛОНЕНИИ: ПОВОД ДЛЯ БЕСЕДЫ ИЛИ НАУЧНАЯ ПРОБЛЕМА? Опыт современной германской историографии	47
<i>Д.Э. Харитонович</i> МЕТОДОЛОГИЯ И НРАВСТВЕННЫЙ СМЫСЛ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ ИСТОРИИ	50

<i>А.Я. Гуревич</i>	
ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ: БЕСЧИСЛЕННЫЕ ПОТЕРИ И УПУЩЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ	53
<i>ДИСКУССИЯ</i>	58
<i>Л.М. Баткин</i>	
СТРАННАЯ ТЮРЬМА ИСТОРИЧЕСКОЙ НЕОБХОДИМОСТИ	64
<i>П.Ю. Уваров</i>	
РАЗВИЛКИ И ИГРАЛЬНЫЕ КОСТИ, АЛЬТЕРНАТИВЫ И СЛУЧАЙНОСТИ (Попытка инвентаризации)	78

ПРОБЛЕМЫ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

<i>Вяч.Вс. Иванов</i>	
СЕМИОТИКА КУЛЬТУРЫ СРЕДИ НАУК О ЧЕЛОВЕКЕ В XXI СТОЛЕТИИ	86
<i>Мартин Дингес</i>	
ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ: ЧЕРЕЗ ТЕОРИЮ "СТИЛЯ ЖИЗНИ" К "КУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ"	96
<i>А.Я. Гуревич</i>	
ПОДВОДЯ ИТОГИ	125
<i>В.И. Стрелков</i>	
К ОНТОЛОГИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ТЕКСТА: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ Ф.Р. АНКЕРСМИТА	139

КАРТИНА МИРА В УЧЕНОМ И НАРОДНОМ СОЗНАНИИ

<i>Найтхард Бульст</i>	
ПОЧИТАНИЕ СВЯТЫХ ВО ВРЕМЯ ЧУМЫ. Социальные и религиозные реакции на эпидемии чумы в позднее средневековье	152
<i>П.В. Крылов</i>	
МУЖСКОЙ КОСТЮМ ЖАННЫ Д'АРК: НЕСЛЫХАННАЯ ДЕРЗОСТЬ ИЛИ ВЫНУЖДЕННЫЙ ШАГ?	186
<i>А.Л. Юрганов</i>	
ИЗ ИСТОРИИ ТАБУИРОВАННОЙ ЛЕКСИКИ	194

ОБРАЗ "ДРУГОГО"

<i>О.А. Савельева</i>	
ОБРАЗ "ЧУЖОГО" В СТАРООБРЯДЧЕСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ. К проблеме этноконфессиональной самоидентификации	207

В.К. Ронин

КОЛОНИАЛЬНЫШ МЕМУАРЫ, ДНЕВНИКИ И ПИСЬМА РУССКИХ
ЭМИГРАНТОВ (20-30-е годы XX века) 223

РЕЦЕНЗИИ

А.В. Каравашкин. Харизма царя. Средневековая концепция власти как предмет семиотической интерпретации (рец. на кн.: Б.А. Успенский. Царь и патриарх: харизма власти в России. М., 1998) 257

Л.А. Пименова. Как человек становится революционером? (рец. на кн.: Э.Х. Лемэ, Э. Патрик, Ж. Феликс. Революционеры за работой. Учредительное собрание, 1789-1791. Оксфорд, 1996; Т. Тэкетт. Становясь революционером: депутаты Национального собрания Франции и возникновение революционной культуры. Принстон, 1996) 275

И.К. Стаф. Роже Шартье: итог двух десятилетий (рец. на кн.: Р. Шартье. На краю обрыва. История между уверенностью и беспокойством. Париж, 1998) 288

Вокруг книги А.Л. Юрганова "Категории русской средневековой культуры"

А.Я. Гуревич. Из выступления на защите докторской диссертации А.Л. Юрганова 295

И.Н. Данилевский. Продолжение разговора с другом 302

Summaries 316

НАШИ ЮБИЛЯРЫ 322

Юбилей Светланы Валериановны Оболенской 322

К 80-летию Георгия Степановича Кнабе 325

ПАМЯТИ УШЕДШИХ

Умер Андрей Григорьевич Тартаковский 330

Памяти философа 333

CONTENTS

HISTORY IN THE SUBJUNCTIVE MOOD?

<i>P.Yu. Uvarov</i> INTRODUCTION	5
<i>K.V. Hvastova</i> THE MODERN EPISTEMOLOGICAL PARADIGM IN HISTORICAL RESEARCH (The role of polysemic logic)	10
<i>M.A. Cheshkov</i> THE HISTORICAL SUBJUNCTIVITY, THE POST-NON-CLASSICAL SCIENCE AND THE DEVELOPING WORLD	14
<i>L.I. Borodkin</i> HISTORY, THE ALTERNATIVE AND THE CHAOS THEORY	21
<i>A.V. Obolonsky</i> HISTORICAL JUNCTIONS AS THE SUBJECT-MATTER OF THE ALTERNATIVE HISTORY	27
<i>S.A. Ekshtut</i> COUNTERFACTUAL MODELLING, JUNCTIONS AND THE FORTUITOUS IN RUSSIAH HISTORY AND CULTURE	33
<i>I.N. Danilevsky</i> THE TEMPTATION OF THE ALTERNATIVE	37
<i>A.L. Yurganov</i> A PECULIARITY OF COGNITION RATHER THAN A CHARACTERISTIC OF THE HISTORICAL PROCESS	40
<i>V.D. Nazarov</i> NOT ALL SUBJUNCTIVITIES ARE THE SAME	42
<i>O.A. Rzheshhevsky</i> BRITISH SCHOLARS ON VIRTUAL HISTORY	45
<i>M.Yu. Paramonova</i> HISTORY IN THE SUBJUNCTIVE MOOD: A TALKING SUBJECT OR A SCIENTIFIC ISSUE? On the contemporary german research	47
<i>D.E. Haritonovich</i> THE METHODOLOGY AND THE MORAL MEANING OF THE ALTERNATIVE HISTORY	50

CONTENTS

<i>A.Ya. Gurevich</i>	
CULTURAL HISTORY: COUNTLESS LOSSES AND WASTED CHANCES	53
<i>DISCUSSION</i>	58
<i>L.M. Batkm</i>	
THE HISTORICAL NECESSITY, A WEIRD PRISON	64
<i>P.Yu. Uvarov</i>	
JUNCTIONS AND DICE, ALTERNATIVES AND FORTUITIES (An attempt at stock-taking)	78

THE HUMANITIES' ISSUES

<i>Vyach. Vs. Ivanov</i>	
PLACE CULTURAL SEMIOTICS INSIDE THE HUMANITIES OF THE XXI ST CENTURY	86
<i>Martin Dinges</i>	
HISTORICAL ANTHROPOLOGY AND SOCIAL HISTORY: VIA THE "LIFESTYLE" THEORY TOWARDS THE "CULTURAL HISTORY OF EVERYDAY LIFE"	96
<i>A.Ya. Gurevich</i>	
SUMMING UP	125
<i>V.I. Strelkov</i>	
NOTES ON THE ONTOLOGY OF A HISTORICAL TEXT: SOME ASPECTS OF F.R. ANKERSMIT'S PHILOSOPHY OF HISTORY	139

THE IMAGE OF THE WORLD IN THE LEARNED AND THE POPULAR MIND

<i>Neithard Bulst</i>	
THE VENERATION OF SAINTS DURING THE PESTILENCE. Social and religious reactions on pest epidemics in late middle ages	152
<i>P.V. Krylov</i>	
JEANNE D'ARC'S MANLY DRESS: AN EXTRAORDINARY EFFRONTERY OR A FORCED MEASURE?	186
<i>A.L. Yurganov</i>	
FROM THE HISTORY OF THE TABOO VOCABULARY	194

THE IMAGE OF THE "OTHER"

<i>O.A. Savelyeva</i>	
THE IMAGE OF THE "STRANGER" IN THE OLD-BELIEVERS' FOLKLORE. To the problem of ethno-confessional self-identification	207

V.K. Romm

COLONIAL MEMOIRS, DIARIES, AND LETTERS BY RUSSIAN
EMIGRANTS (of the twenties and thirties of the 20th century) 223

BOOK REVIEWS

Tsar's charisma. The medieval concept of power as the subject matter of semi-
otic interpretation (*A.V. Karavashkin's* review of B.A. Uspensky's "Tsar and
Patriarch: The Charisma of Power in Russia". Moscow, 1998) 257

How does a man become a revolutionary? (*L.A. Pimenova's* review of: E.H.
Lemay, A. Patrick, and J. Felix's "Revolutionaries at work. The Constituent
Assembly, 1789-1791". Oxford: Voltaire Foundation, 1996, 144 p.; T. Tackett's
"Becoming a Revolutionary. The Deputies of the French National Assembly and
the Emergence of a Revolutionary Culture (1789-1790)". Princeton: Princeton
University Press, 1996. 355 p.) 275

Roger Chartier: Au bord de la falaise: L'histoire entre certitudes et inquietude.
Paris: Albin Michel, 1998. 293 p. (Review by *I.K. Staf*) 288

About A.L. Yurganov's "Categories of Russian Medieval Culture"

A.Ya. Gurevich. From the remarks concerning A.L. Yurganov's doctoral
dissertation 295

I.N. Danilevsky. Continuing the discourse with a friend 302

SUMMARIES 316

OUR JUBILEERS 322

Svetlana Obolenskaya's Jubilee 322

Towards Georgy Knabe's eightieth anniversary 325

IN THE MEMORY OF LOST 330

Dead is Andrey Tartakovsky 330

In memoriam philosophi 333